

Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований

Р.Э. Бараш*, А.Ю. Антоновский

Производство и распространение радикальной протестной коммуникации является серьезным вызовом современному обществу. Но причины ее формирования представляют собой и теоретическую проблему. Ее осмыслению препятствует очевидный дефицит философской рефлексии протестной коммуникации, которая все еще воспринимается как некая аномалия, девиантность или аномия, т.е. как нечто ненормальное, асоциальное и в этом смысле парадоксальное: имеющее место в современном обществе, но противостоящее и внешнее по отношению к нему. В данной статье авторы рассматривают радикализм с точки зрения социально-философского (системно-коммуникативного подхода), анализируют проблемы генезиса радикальной протестной коммуникации, его пространственно-временные рамки, выделяют функции протестного движения, формулируют программу системно-коммуникативного исследования конкретных видов протеста. Авторы ставят проблему в следующем виде: образуют ли протестные движения новый тип коммуникативной системы, соразмерной традиционным коммуникативным гранд-системам (таким как политика, экономика, религия, наука, искусство, семья, правовая система), и выполняют ли они в связи с этим особую задачу-функцию, которую способны осуществить только они. Отвечая на этот вопрос, авторы рассматривают радикализм как кристаллизующийся вокруг автопоэтической функции страха и тревоги, но понимают их как «социальные эмоции» или «социальный мотивы».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная философия, системно-коммуникативный подход, радикализм, протестное движение.

БАРАШ Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности, Москва.

raisabarash@gmail.com

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доцент философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

antonovski@iph.ras.ru

Статья поступила в редакцию 8 февраля 2018 г.

Цитирование: *Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.* Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 27–38.

* Статья (в части, написанной Бараш Р.Э., разделы 1–2) написана при поддержке Российского Научного Фонда (проект № 17-78-10238 «Новые формы общественной коммуникации и радикализм в условиях информационного общества. Системно-коммуникативный анализ») и основывается на индивидуальном исследовании руководителя проекта Р.Э. Бараш.

© Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю., 2018 г.

Введение. К генезису радикальных форм коммуникации

В современном обществе протестные и радикальные социальные движения приобретают системные формы; они не являются исторически случайными и преходящими формами социальности, а выполняют значимые эволюционные и коммуникативные функции. Мы можем сформулировать проблему теории радикальных протестных движений в виде следующей дилеммы. *Являются ли новые социальные движения коммуникативной системой, соразмерной традиционным гранд-системам, и выполняют ли они некоторую задачу-функцию, которую способны осуществить только они, и которая имеет значение не только для их собственного воспроизводства (автопоэзиса) но и составляет свои достижения и продукты в распоряжение других систем?*

Первый аргумент, который необходимо привести в контексте сформулированной дилеммы, указывает на очевидную избыточность функции радикальных движений. Ведь раньше общества и функциональные системы в их перспективных планированиях и реакциях на существующие аномалии и дисфункции обходились без добавочного генератора альтернатив. Эта задача с избытком покрывалась массмедийной критикой существующих институтов, программной рефлексией, со стороны институционализированной (партийной) оппозиции, которая не требовала каких-то (автопоэтически воспроизводящихся) экстрапарламентских форм поддержки для своих требований, а конкуренция в экономике обеспечивала достаточное разнообразие услуг и товаров, мотивировала спрос и способствовала ее динамичному развитию, в то время как экономические дисфункции (экологические эффекты, экономические кризисы, диспропорции в доходах, чрезмерная эксплуатация) до определенной степени компенсировались политически мотивированными налоговыми перераспределениями.

Конечно, вопрос, зачем потребовались новые движения, изначально обременен телеологием. Системно-коммуникативная методология для ответов на такого рода «вопрос» требует существенного изменения оптики наблюдения коммуникативных систем и обращения к эволюционной теории. Не имея возможности подробно обсуждать здесь проблему социальной эволюции, заметим лишь, что современный эволюционизм (в его *неодарвинистской* или *синтетической* версии) не предполагает, что эволюция порождает новые эволюционные формы *ради выполнения особой задачи, их «взаимопользовного» или «симбиотического» развития* [Антоновский 2017, 207].

Этот вопрос функционального генезиса мы предлагаем решать в общеэволюционном ключе, в первую очередь, с учетом функции эволюционной *стабилизации*, т.е. закрепления новообразованных признаков и свойств на уровне *популяций*¹. Применительно к обществу и социальным движениям это предполагает накопление некоторой критической массы новых способов коммуникации, новых типов наблюдения и соответствующих самоописаний².

Исследователь радикализма Х. Фухс вводит концепт *критической фазы* (порога восприятия структурных проблем), в которой формирование социальных движений понимается не тривиальным образом, как ответ на системно-структурные деформации общества, риски и опасности, с которыми оно конфронтирует, как результат постепенной аккумуляции особого типа критических наблюдений или новой и более *рафинированной перцепции*, способной усмотреть опасности и риски, которые без этой оптики просто бы остались незамеченными (и, значит, в каком-то смысле несуществующими). «Критическая фаза этой системы социального протеста, — пишет Фухс, — возникает тогда, когда социальные антагонизмы и проблемы начинают *восприниматься* как невыносимые, т.е. критическая масса людей недовольна структурами общества, а число оппонентов определенных структур возрастает до такой степени, что это недовольство и воля к изменениям теперь в принципе *воспринимаются*. Такая критическая фаза не является необходимым результатом углубления социального антагонизма (скажем, роста бедности, безработицы, ухудшения экологии), но является *результатом перцепции и осознания* углубления некоторого антагонизма» [Fuchs 2006, 118].

Когда протестной коммуникации становится достаточно много, возрастает острота понимания общественных и экологических рисков. И это не выглядит так, будто

ухудшение экологии, голод в странах третьего мира, мужская опрессия, неофашизм или расовая дискриминация, будучи негативными структурными следствиями функционирования больших социальных систем, порождают соответствующие типы протестной коммуникации и коммуникативную систему протеста в целом. В действительности, сначала кристаллизуется достаточно много наблюдений, использующих общую или сходную оптику. Так бывает в ситуации, когда тематически консистентная наблюдательная дистинкция (*опрессивные мужчины/виктимизированные женщины*) становится общим местом массмедийного обсуждения и основанием политико-правовых решений и актов³, когда она получает такую наблюдательную универсальность и широту, что и на обычные отношения полов смотрят с ее точки зрения.

Именно накопление достаточного числа наблюдений явлений, которые теперь интерпретируются с точки зрения протестных тематических дистинкций как ненормальные, неестественные и поэтому нежелательные и опасные, суггестируют идею увеличения таковых явлений и соответствующие социопсихические установки алармизма, которые, как мы покажем ниже, отвечают за автопоэзис (самовоспроизводство) коммуникативной системы протеста.

В ряде концепций радикального конструктивизма такие установки, ответственные за генезис систем, принято, вслед за Х. фон Ферстером, называть «собственными значениями» [Foerster 1996]. Под ними понимаются достижения или результаты функционирования системы, которые затем повторно вводятся в нее (например, коммуницируются), способствуют ее продолжению и дальнейшему системообразованию. В такого рода автопоэтических циклах элементы системы (в данном случае коммуникации протеста) порождают другие элементы системы на основе «собственных значений», уже не нуждаясь в каких-то *внешних стимулах и триггерах*, хотя это и не означает, что в обществе не существует структурных проблем, а с экологией все в порядке.

Мы также разделяем и развиваем взгляд Н. Лумана, что именно автопоэтическую функцию *страха и тревоги* (собственного значения протестной коммуникации) следует понимать как «социальную эмоцию» или «социальный мотив»⁴. Нам приходится использовать это понятие-оксюморон, имея в виду некоторую мотивирующую «движущую силу», которая имеет своим источником психику, но, получив из нее каузальный импульс, при специфических обстоятельствах превращает данный мотив в социальную установку, нормативное ожидание, в часть социальной структуры, а не системы личности (психики)⁵.

В этом смысле автопоэзис протестной коммуникации запускается в условиях так называемой *самовалидации*, когда страх и тревога, вызванные обсуждением социальных и экологических кризисов, ведут к заострению коммуникации этих опасностей, их гипертрофии и, соответственно, к запуску новых циклов их коммуникативной трансляции⁶.

1. Пространство и время протестных движений

Если современный радикальный протест действительно приобретает черты относительно полноценной коммуникативной системы, то в этом случае, очевидно, следовало бы задаться вопросом о пространственно-временных рамках этого феномена. Сюда же относится проблема его пространственной локализации, длительности, цикличности, воспроизводимости, критериев «зрелости» и «затухания» этого феномена; а также вопрос о его видовых трансформациях и взаимопереходах; о субстанциональном определении его границ и критериев его континуальности, что позволило бы определять и его вероятность в специфических ситуациях.

Протест существует в форме кампаний и не является сингулярностью

Пространственная фиксация феномена протеста, по-видимому, до некоторых пор не представляла больших трудностей, поскольку протестная коммуникация до определенного времени как бы совпадала с «телесным присутствием» протестующих в определенных местах (митинги, перформативные акции). Кроме того, протестное

движение, в отличие от коммуникаций в рамках традиционных гранд-систем, еще не развило в себе полноценных абстрактно-символических бинарных медиакодов и средств телекоммуникационной трансляции сообщений (подробнее о роли телекоммуникации см.: [Антоновский 2015, 94–98]), которые бы делокализовали протестную коммуникацию, как это имеет место сегодня в социальных сетях и интернете.

Современное движение существенно отличается от «исторических видов» или прототипов протестной активности («революций», «мятежей», «дворцовых переворотов» и т.д.). Протест не является событием, границей «исторических эпох», он сам нуждается в отграничивании и установлении критериев «завершения» конкретной системы протестной коммуникации. Протесты актуализируются в форме *кампаний*, провоцируемых некими событиями-триггерами в системной повестке общества: политической, правовой или экономической коммуникации, имеющей экологические следствия, или как результат массмедийного обнародования «скандалных» системных коммуникаций, хотя не они являются подлинными причинами автопоэтических процессов. (Примеры: «закон Димы Яковлева», фальсификации выборов, добыча сырья в традиционных регионах проживания кочевых народов, массмедийное обнародование фактов сексуальных домогательств со стороны истеблишмента и т.д.) Единичный триггер может актуализировать весь комплекс протестной реакции: массовые события (митинги и т.д.), публикации манифестов, артикуляцию протестной темы, рафинизацию альтернативной ценности, интеграцию тех или иных спонтанных актов в виде воспроизводимых (иногда тайных или конспиративных) обсуждений-интеракций и даже квазиорганизаций (без формализации условий принадлежности и выхода).

Отсутствие *формальной организации*⁷ с необходимостью превращает протест в *синусоидную активность*, которая предстает как сильная и слабая стороны протеста. Так, ослабление протеста, с одной стороны, приводит к разочарованию лидеров и рядовых участников, ищущих новые формы самореализации и реализации «альтернативных ценностей», и, как следствие перехода оставшегося ядра к более радикальным и экстремистским формам активности, «страшному удалению от народа» и более жесткому и разрушительному ответу со стороны традиционных гранд-систем (политики, правовой системы), к ослаблению поддержки со стороны экономических акторов, элит, независимых интеллектуалов, независимых медиа.

С другой стороны, именно этот синусоидный характер делает протест *неуничтожимым* в том смысле, что осуществление протеста в латентном виде, его мимикрия под другие формы гражданской, прежде всего, волонтерской активности, делает его более флексибельным и вариативным, обеспечивает «передышку» и адаптацию к новым формам политической реальности и реакции, усыпляет бдительность наблюдательных инстанций гранд-систем и, как самое значимое следствие, обеспечивает постепенное накопление «потенциальной протестной энергии», способной при благоприятных обстоятельствах «смести» архаические (в наблюдательной перспективе протеста) институты и заместить «архаические» ценности их альтернативами.

Протест – невероятное сочетание условий

Такая актуализация протеста предполагает сверхкомплексную и в этом смысле *невероятную* комбинацию предпосылок, делающую возможной преодоление такой невероятности. Уже упоминаемый Х. Фухс относит к числу таких предпосылок *мобилизацию акторов, ресурсов, кристаллизацию смыслов, овладение специфическим знанием темы протеста, внимание и интерес к протесту со стороны публики и прессы* [Fuchs 2006, 117]. Соглашаясь с Фухсом, отметим, все же, необходимость учета *кругового характера* данных причинно-следственных отношений; ведь и сам протест, отвечая этим условиям и являясь их следствием, все-таки одновременно самой своей актуализацией вызывает интерес публики и прессы, мобилизует акторов и информирует о собственной ценностно-тематической повестке (специфически-тематические знания), т.е. парадоксальным образом в процессе такой самовалидации каузирует собственные условия.

В этом смысле предсказания актуализации конкретного протеста оказываются такими же сложными, как и определение всякого невероятного события (как, скажем, предсказание эмиссии конкретной элементарной частицы в процессе радиоактивного распада). В этом смысле можно прогнозировать не столько конкретные события протеста, сколько высокую или малую вероятность его ранней или поздней актуализации.

Протест не заканчивается никогда?

По вопросу завершения протеста в силу реализации, фиаско или «дегенерации» его программы (оставим за скобками, что такой вывод лишь следствие применения той или иной оптики наблюдателя), исходя из ранее обсуждаемых свойств и форм протеста, можно с некоторой долей очевидности ввести следующие критерии:

1. выполнение программных целей;
2. внутреннее или внешнее подавление протеста;
3. истощение ресурсов;
4. затухание массовости движения;
5. прекращение массмедийного обсуждения протестной темы.

Но и здесь означенная очевидность представляется обманчивой. На наш взгляд, «выполнение программных целей» (например, перераспределение средств из хозяйства и политики как компенсация их дисфункциональности, в рамках структурно-критического концепта социальных движений) не подходит на роль завершающего протест события по следующим основаниям.

Протест не предлагает альтернативных решений (подробнее см.: [Бараш, Антоновский 2017]). Он, как мы уже показывали, есть «альтернатива без альтернативы» и не формулирует программных целей. Во-вторых, самоосуществление протеста и генерирует его собственную проблему, которую он призван разрешить. Так, осознание факта угнетения и его коммуникативное обсуждение как специфической протестной темы участниками протеста превращает то, что раньше полагалось естественно-повседневным, в ненормальное и требующее устранения.

Более интересным выглядит предложение связывать с завершением системы протеста *истощение ресурсов* (которые мы субстанцируем как мотивационную *энергию* протеста) в ее нефизическом, не каузальном смысле.

Но и здесь требуется внесение ряда замечаний. Эта «энергия» не может пониматься как исключительно психический мотив, так как в рамках психической системы индивида преходящие и сингулярные эмоции не способны сохраняться (конечно, в непатологических случаях) сколько-нибудь долго, если нет соответствующих институтов, переводящих психический мотив в некую социальную установку [Момджян 2016, 39–41], в нормативное ожидание той или иной стандартной реакции (скажем, возмущения), на соответствующее стандартное событие (например, сексуальное насилие), которая становится обязательной к выполнению, однако не обязательно сопровождается соответствующим психическим переживанием.

Но и таковое «истощение ресурсов» в коммуникационно-замкнутых системах может не означать завершения системы, а выражаться в переключении с одной протестной темы на другую, в появлении других возможностей для самореализации системно-неинтегрированных индивидов. Публичный резонанс получают другие темы, и ограниченные ресурсы (внимание прессы, интерес публики) направляются на них, причем первоначальный объект возмущения и протестная тема (скажем, обвиняемое в коррупции и фальсификациях политическое руководство страны) способны утрачивать негативное и приобретать позитивное значение. Так, в России протестные настроения 2011–2012 гг. и соответствующее недовольство в значительной степени переключились с темы электоральных фальсификаций на тематику «украинского фашизма», «Запада», «Гейропы» и т.д.

То, что такого рода переключения инспирировались властью, не должно вводить в заблуждение. Эту милитаристскую новостную повестку подхватили массмедиа не столько под давлением политики, сколько в силу ее способности удерживать общественное вни-

мание, и без этой внутренней массмедийной «восприимчивости к новизне» политике не удалось бы навязать потребителям новостей свои установки [Луман 2005].

2. Системно-коммуникативный подход – позитивная программа исследований протеста

Выше мы рассмотрели подходы к определению радикализма, генезис протестного движения и его пространственно-временные границы. Опираясь на это, попытаемся теперь в схематичной и понятийно-сжатой форме реконцептуализировать основные черты и функции протестной коммуникации и на их основе предложить *позитивную программу исследования* конкретных видов радикализма.

В отличие от других систем, у коммуникативного кода протеста не обнаруживается симметричного ему негативного противокода⁸. В его отсутствие «замыкание» протестных коммуникаций в систему обеспечивает концентрация коммуникации вокруг конкретных тем или предметов. Эта коммуникативная аморфность и разнотемье наводят на мысль о возможности позднейшей спецификации того или иного конкретного протеста, вокруг ранее утвердившихся медиакодов других систем. Так, один вид протеста (скажем, движение Навального) может инкорпорироваться в политическую систему, а протестное движение в поддержку отечественной науки и против ее недофинансирования (сообщество «Диссернет», газета «Троицкий вариант», «Общество научных работников») может абсорбироваться системой науки.

Исходя из этого, программа исследования протеста должна начинаться с постановки вопроса о некоторой центральной теме, инклюдирующей (мотивирующей) участников, а не с коммуникативных кодов и соответствующих им мотивов (истина, деньги, власть), вокруг которых кристаллизуются соответствующие коммуникативные системы науки, хозяйства, политики.

Из этого следует, что у протеста нет четких коммуникативных границ. Темы чрезвычайно диффузны и не могут быть отделены от соответствующих интеракций (выражений недовольства в автобусе или такси).

Программа исследований протеста требует в этом контексте ставить вопрос о том, что отделяет протестную акцию (коммуникацию) от простого выражения недовольства (страха, алармизма).

То обстоятельство, что лишь протестная тема (а не коммуникативный код) служит для разграничения протестной коммуникации и остального общества, делает невозможным формулирование *протестной программы* (как некоего эквивалента партийной программы в политической системе, бизнес- или инвестплана в системе хозяйства, проектов научных исследований в научных коммуникациях и т.д.), поскольку именно *программа* уточняет и асимметризирует симметричные возможности, которые представляет бинарный код⁹.

Исходя из этого, исследовательская программа изучения протеста требует выявлять механизмы организации протестной активности в условиях отсутствия долговременного плана протестных акций.

Средством компенсации отсутствующего у протеста бинарного медиакода, долговременного программного планирования и жесткого системообразования через коммуникативную форму *организации* (как это имеет место в отношении больших систем – научных организаций, политических организаций) является соответствующая социальная структура (структура нормативных ожиданий). Основу такой структуры образуют ожидания соответствующего *commitment*, т.е. выраженных мотиваций и готовности протестующих защищать критическую идею-тему.

Программа исследования протеста требует в этом контексте ставить вопрос о том, является ли тот иной протест действительным движением протеста (с выработкой соответствующих мотиваций и готовностей защищать протестную идею или тему), является ли он некой «организованной формой» или лишь тривиальным выражением недовольства. Этот пункт программы требует конструировать стандартные и крайние степень и формы выражения «приверженности» идее (экологической, идеям феминизма, расового превосходства/равенства и т.д.).

У каждой формы протеста как наблюдательной дистинкции (специфической оптики или взгляда на мир в его главном структурном расщеплении) есть другая сторона, свой "враг". Мужья и мужчины (в протесте против насилия в семье), власть (в политическом протесте), промышленные предприятия (в экологическом движении). Однако общим для всех конкретных различий, по-видимому, является самовиктимизация, т.е. приписывание участниками протеста себе статусов жертвы (или в более мягкой форме *пассивного объекта чужого решения*). При этом оппоненты протестующих понимаются как принимающие решение, *поражающее* протестующего в его правах и надеждах на самореализацию. Речь идет об особой протестной наблюдательной дистинкции, или особой оптике. Назовем это дистинкцией *решения/поражения*.

Это значит, что программа исследования протеста должна реконструировать (конкретный для каждого вида протеста) реестр «нарушенных прав» в том виде, каким его видит протестующее лицо и коррелятивный этому список актов и прерогатив «другого», нарушающего эти права.

Из предшествующего пункта вытекает и другая исследовательская задача: допускают ли реестры «нарушенных прав пораженных лиц» и «прерогатив лиц, принимающих решения» такие генерализации, которые бы позволяли утверждать наличие *общего, или единого движения протеста* и, как следствие, единой коммуникативной системы, выказывающей свою *differentia specifica*. И ее поиск является фундаментальной проблемой социальной (или коммуникативной) философии протеста. Именно она — в ситуации отсутствующего у протеста единого бинарного медиакода, аналогичного *власти* в политике, *деньгам* в хозяйстве — позволила бы отличить этот новообразованный тип коммуникации от традиционных коммуникативных гранд-систем.

Вместо заключения: *differentia specifica* радикальной коммуникации как основная проблема коммуникативной философии протеста

Для предварительного решения означенной проблемы мы формулируем ряд гипотез, которые, как нам кажется, прояснят специфичность несистемной протестной коммуникации в ее отличии от всех остальных системно-организованных коммуникативных практик¹⁰.

1. Гипотеза компенсаторной лояльности

В отличие от других систем, протестная коммуникация ориентирована на личностную привязанность системе протеста, требующей от нее персональной лояльности ключевой идее. Напротив, экономика не выставляет обязательств по оплате товаров конкретных производителей, а политическая система не обязывает участников голосовать за ту или другую партию¹¹. В этой связи изучать протест — значит *реконструировать механизмы обеспечения этой персональной лояльности* и, конечно, способы ее преодоления и ответные санкции.

2. Гипотеза инклюзивного социального контроля

В генетико-исторической перспективе формирование протестных движений является системным эффектом возникновения мирового общества (см.: [Луман 2011; Кастельс 2000]), в особенности так называемой «всеобщей инклюзии», которая сделала невозможным обеспечивать социальный контроль путем *экслюзии* из общества, как это осуществлялось на протяжении веков [Luhmann 1994, 61], путем изгнания, вытеснения, истребления, казней, заключения, отказа в покровительстве и поддержке всем тем, кто демонстрировал аномные формы коммуникации, или не мог быть прокормлен семьей или сообществом.

Исчезновение такого «экслюдирующего» контроля социального порядка и приводит к кристаллизации протеста и, как следствие, к двум разочаровывающим эффектам: «экслюзии инклюдированных» и «инклюзии экслюдированных».

Во-первых, разочарования во всеобщей инклюзии является следствием необходимости толерировать «аномию» в непосредственной интерактивной близости: мигранты живут вместе со всеми их представляющимися «недопустимыми» в местной среде формами

поведения и коммуникации (например, резанием баранов на Курбан-Байрам). Именно это генерирует недовольство и в каком-то смысле *эксcludes* *инcludes*, т.е. заставляет некоторых представителей «принимающего сообщества-большинства» объединяться в полукриминальные и экстремистские «протестные сообщества», ставящие себе целью ликвидировать принцип «всеобщей инклюзии» — *эксcludes* *инcludes* *чужих* (националисты и т.д.).

Во-вторых, к разочарованиям приводит и *инклюзия эксcludes*: все, кто не способен и не желает осуществлять конформное поведение, теперь не исключаются из общества как некие «асоциальные элементы», не «рассеиваются» как индивиды где-то на периферии социума и не гибнут. Отсутствие такой дисперсии и физическое выживание исключенных делает возможным интеграцию, по принципу *исключительности* и *исключенности*, даже институционализацию непризнания нормативных установлений (движения хиппи и республика «Христиания»). Эти аномные формы поведения, из исключенных превращающиеся в исключительные, теперь получают внутренние самоописания (как «поражение в правах» на индивидуализации и как исключение лишь из сообщества, принимающего решения, но не из общества, как такового). В этом статусе аномный отказ от признания институтов и норм становится основанием для организации собственных сообществ, *эксcludes* *инcludes* *из общества* (хотя дефинитивно таковыми не являются).

Это различие на *эксcludes* *инcludes* и *инклюзия эксcludes* дает нам первые основания для различения «плохих» и «хороших» социальных движений протеста. «Плохие» СД развивают сложную семантику самоописаний, где они понимают себя как реализующие функцию *эксcludes* *инcludes* *эксcludes*, т.е. попросту элиминировать чужие сообщества из их культурной среды. Но поскольку они и сами оказываются *эксcludes*, то сталкиваются с неразрешимым парадоксом, требующим самоликвидации. Этот парадокс разворачивается в обществе, где многие идеи экстремистского протеста одобряются (как идея) и не одобряются (как метод решения) одновременно.

3. Гипотеза «заместительной пораженности»

Элиминация дисперсивного порядка (когда исключенный обрекался на одиночное существование и гибель) в конечном счете приводит к тому, что самые разные разочарования, всякий маргинальный, даже патологический интерес, способен к образованию соответствующего сообщества. Причем в современных условиях именно *интернет* оказывается главным средством *инcludes* *эксcludes*.

Этот парадокс затем разрешается различием на «пораженных в правах» (жителей третьего мира, фавел, голодающих, русских, афроамериканцев, подвергшихся опрессии женщин) и их «идейных представителей».

«Пораженность» в этом смысле предстает лишь *темой* протеста (т.е. предметом коммуникативного обсуждения, языковым артефактом), а не переживается *сознанием* протестующих как реальность внешнего мира участников протеста, т.е. в каком-то смысле является симулякром. Это означает, что протестная тема лишь презентует коммуникативно-препарированный внешний мир участников протеста, который не может быть удостоверен в своей реальности при помощи переживания реальной травмы¹².

Исследовать протест, согласно этой гипотезе, значит эксплицитировать механизмы конструирования *коммуникативных источников* таких «заместительных переживаний» чужой травмы, правовой и иной пораженности, *чужим решением*. Конечно, в качестве таких источников можно всегда указать на массмедийные репортажи из «очагов страданий» и социологические нарративы «включенного наблюдения» в сообществах страдающих (и прочей семантики знания-свидетельства, знания в «зонах-обменах» [Касавин 2017]).

Но все это не объясняет неожиданное появление протеста, поскольку такие «описания» и «самоописания» «страдающих сообществ» появились задолго до того, как возникла специфическая чувствительность к чужому страданию, не замыкающаяся *внутри сознания* страдающего, но получающая коммуникативную и интегративную силу, организующую массы, способную накапливаться как специфическая энергия и приводить к социальному взрыву. Это обстоятельство объясняет наша следующая гипотеза.

4. Гипотеза социального страха

Очевидно, что мотивации «сострадания» к чужой «пораженности» было бы для такой организации недостаточно. Должен быть подключен дополнительный социальный мотив или социальная эмоция, который мы, вслед за Луманом, назовем «социальным страхом» [Luhmann 1994, 58]. Несколько модернизируя Лумана, будем понимать последнюю как некую общую меру энергии, постоянно подпитываемую и накапливающуюся посредством конкретных преходящих страхов. Чтобы эта энергия не рассеивалась¹³, очевидно, требуются ее «непсихические формы проявления» в виде, с одной стороны, постоянной коммуникативной тематизации предмета страхов, а с другой — механизмов социальной памяти как накопителя социального страха.

5. Гипотеза разрешенного «социального страха» как автопоэтического механизма обсуждения коммуникативной темы и нейтрализации социальных рисков

Исходя из вышеприведенных соображений, мы формулируем гипотезу, согласно которой мотивы и эмоции, движущие протест, должны пониматься в социальном (заместительном), а не психологическом смысле. Имея в виду первоначальный смысл слова «мотив», будем понимать такой социальный страх как некую социальную энергию, *движущую* группами протеста. Именно благодаря такой способности испытывать *страх за другого* становятся возможными немислимые на уровне индивидуальной психики *накопление и транспортировка* страхов от одного к другому участнику движения, а также нейтрализация и преодоление глубоко укоренившейся традиционной установки, запрещающей мужчинам демонстрировать страхи.

Нейтрализация табу на мужской страх и нормализация социальных страхов призвана уменьшить социальные риски и конфликты. Именно эта «добавочная» эмоция заместительного страха делает возможной интеграцию больших протестных сообществ. Страх, по причине его эмоциональной силы, несопоставимо большей, в сравнении с силой других эмоций, согласно нашей гипотезе, выступает *автопоэтическим механизмом*, который делает возможным социальное «возбуждение» и, как следствие, заинтересованное обсуждение.

Изучать протест, согласно этой гипотезе, значит выявлять конкретные механизмы накопления страхов и коммуникативные уровни «передачи страха» (интерактивные, массмедийные, социально-сетевые, научно-популярные и т.д.). Требуется ответ на вопрос и о том, существуют ли (и насколько эффективны) системные, в особенности, политические, механизмы нейтрализации страхов (потеря массмедийного интереса, переключение общественного внимания на другие темы и страхи).

6. Гипотеза «экстрасистемного» характера протестного движения

Согласно этой гипотезе, протестное движение не способно к образованию внутри себя классических «организаций» и не может осуществлять систематического наблюдения «второго порядка», формулировать консистентную протестную программу и вынуждено вместо этого апеллировать к моральной коммуникации, которая не требует от себя того, чтобы «войти в систему» и сделать лучше (все испортить изнутри). Экологическое правительство, придя к власти и образуя коалиции в результате партийной самоорганизации движения, как видно на примере Германии, превращается в правительство политическое и вынуждено решать политические, а не экологические проблемы. Собственная функция протеста состоит в осуществлении самоописаний общества из несистемной перспективы.

В этом смысле исследовать протест — значит выяснять степень готовности участников движения интегрироваться в наличные политические и иные системные организации или создавать собственные формальные классические организации. Именно это докажет устойчивость конкретных форм протестного движения.

Примечания

¹ См. разработку эволюционно-теоретической *аналогии* между видами живого, популяциями, с одной стороны, и линиями концепций и описаниями, группами исследователей, с другой [Null 1989, 106]. Более современную — трехстадийную — концепцию социальной эволюции см. у Н. Лумана [Луман 2017, 215].

² См. приложение этого эволюционного принципа к коммуникативным системам [Antonovskii 2017, 46].

³ Авторы ни в коем случае не утверждают, что подобного рода опрессии и ее жертвы не существуют в действительности или это является псевдопроблемой.

⁴ П. Штомпка формулирует в чем-то схожий подход, где на роль интегрирующей протест *социальной эмоции*, как социального факта, в смысле Дюркгейма, возводится чувство (не)справедливости [Штомпка 2017, 388].

⁵ Социальный характер некоторой эмоции означает лишь то, что в специфической ситуации, когда от человека ожидается выражение некоторого чувства, он должен действовать так, как будто он испытывает это чувство, даже не испытывая его. Подробнее см.: [Luhmann 1994].

⁶ См. различные подходы к пониманию автопоэзиса протестной коммуникации [Luhmann 1996; Jarr 1996].

⁷ Здесь мы опираемся на системно-коммуникативную теорию организаций как неких систем среднего уровня [Luhmann 1972, 9–20].

⁸ Как это имеет место, например, в случае коммуникативной системы науки [Пружинин, Касавин 2017], с ее бинарным медиакодом *истина/ложь*.

⁹ Так, бинарный код *истина/ложь* ничего не говорит о том, что истинно, а что ложно, и поэтому требует *программ* (т.е. соответствующих научных теорий и методов) определения истинности предлагаемых научных сообщений.

¹⁰ Эти гипотезы – в их рудиментарной форме – отчасти формулировались в рамках «общей теории коммуникативных систем», конечно, с поправкой на реалии 80-х, начала 90-х гг. [Luhmann 1996].

¹¹ Конечно, в рамках партийной *организации* от ее членов ожидают, что они проголосуют именно за эту партию, но тут и не требуется механизмы проверки.

¹² Это отличает протестную систему коммуникации от традиционных систем [Бараш 2017, 132]. Здесь проявляется как сила, так и слабость протеста, поскольку протестные темы способны безудержно инфляционировать, реализовать механизмы положительной обратной связи, лавинообразно захватывать общественное внимание (прежде всего, в массмедиа, но также и ангажировать правовую систему). Но в этом же состоит и слабость протеста, поскольку, достигнув некоторого инфляционного потолка, протестная тема начинает «наскучивать» и утрачивает «новизну». Ее, безусловно, начинают «подавать» и «продавать» другие коммуникативные системы, прежде всего массмедиа, в виде сектора «развлечений» в романах и сериалах, но эта коммуникация уже перестает быть «протестом».

¹³ Психические эмоции дисперсивны в силу специфического устройства человеческого сознания, с одной стороны, не допускающего симультанного процессирования параллельных переживаний, но точчас замещающего одно переживание другими, а с другой, в силу конструктивности и недостаточной емкости индивидуальной психической памяти.

Ссылки – References in Russian

Антоновский 2012 – Антоновский А.Ю. К коммуникативным технологиям в России: теория, практика, полевое исследование // Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий. М.: Альфа-М, 2012. С. 172–183.

Антоновский 2015 – Антоновский А.Ю. Телекоммуникации – коммуникационные медиа современных обществ // Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия знания. М.: ИФРАН, 2015. С. 76–98.

Антоновский 2017 – Антоновский А. Ю. Эволюционный подход к развитию науки. К русскому переводу работы Н. Лумана «Эволюция науки» // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 201–214.

Бараш 2017 – Бараш Р.Э. и др. «Истина» и «власть» как категории социальной философии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 120–134.

Бараш, Антоновский 2017 – Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Социальная философия протеста // Философский журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 91–106.

Касавин 2017 – Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.

Кастельс 2000 – Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

Луман 2005 – Луман Н. Общества общества. Часть II. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005.

Луман 2017 – Луман Н. Эволюция науки (перевод с немецкого) // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 215–233.

Момджян 2016 – Момджян К.Х. и др. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 17–42.

Пружинин, Касавин 2017 – Пружинин Б.И., Касавин И.Т. и др. Коммуникации в науке: эпистемологические, социокультурные и инфраструктурные аспекты. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 23–57.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 9. P. 27–38

The Communicative Philosophy of Radical Protest, its Genesis and Positive Research Program

Raisa Ed. Barash*, Alexander Yu. Antonovskiy

The production and dissemination of radical protest communication is a serious challenge to modern society. But at the same time the reasons for its formation represent a theoretical problem. Its comprehension is hampered by the obvious deficit of the philosophical reflection of protest communication, which is still perceived as an anomaly, deviation or anomie, i.e. as something abnormal, a-social, and in this sense – paradoxical: which takes place in modern society, but which is opposed and external to it. In this article, the authors consider radicalism from the point of view of the socio-philosophical (system-communicative approach), analyze the problems of the genesis of radical protest communication, its space-time frames, highlight the functions of the protest movement, and finally formulate a program of system-communicative research of specific types of protest. The authors put the problem in the following form: do protest movements form a new type of communicative system commensurate with traditional communicative grand-systems (such as politics, economics, religion, science, art, family, legal system) and whether they in this connection carry out some a special task-function, which they are able to accomplish only.

KEY WORDS: social philosophy, new social movement, radicalism, system-communicative approach.

BARASH Raisa Ed. – CSc in Political Sciences, Research Fellow by the Institute of Logics, Cognitive Sciences and Personality Development. Moscow.

raisabarash@gmail.com

ANTONOVSKIY Alexander Yu. – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science, Associate Professor at the Department of Philosophy of the Moscow State Lomonosow University.

antonovski@iph.ras.ru

Received at February, 8, 2018.

Citation: Barash, Raisa Ed., Antonovskiy, Alexander Yu. (2018) ‘The Communicative Philosophy of Radical Protest, its Genesis and Positive Research Program’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2018), pp. 27–38.

DOI: 10.31857/S004287440001351-1

*The paper is supported by the Russian Scientific Foundation (the Project № 17-78-10238, New forms of social communication and radicalism in the informational society. System and communication analysis)

References

- Antonovskiy, Alexander Yu. (2015) *The Communicative Philosophy of Knowledge*, IFRAN, Moscow, pp. 76–98 (In Russian).
- Antonovskiy, Alexander Yu. (2017) ‘Evolutionary Approach to the Development of Science. On the Russian Translation of N. Luhmann’s “Evolution of Science”’, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 52, Iss. 2 (2017), pp. 201–217 (In Russian).
- Antonovskii, Alexander Yu. (2017) ‘Technologies of the Electoral Process: A Field Study of the Possibility of Informative Communication’, *Russian Studies in Philosophy*, Vol. 55, Iss. 1 (2017), pp. 37–48 (In Russian, 2012).
- Barash, Raisa Ed. et al. (2017) ““Truth” and “Authority” as Categories of Social Philosophy’, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, Vol. 5 (2017), pp. 120–134 (In Russian).
- Barash, Raisa Ed., Antonovskiy, Alexander Yu. (2017) ‘A Study of Social Movements from the Systemic Communication Standpoint: Is a Scientific Theory or Political Protest Possible?’, *Filosofskii Zhurnal*, Vol. 11, Iss. 2 (2017), pp. 91–106 (In Russian).
- Castels, Manuel (1996) *Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. I–III, Vol. I. The Rise of the Network Society*, Blackwell, Cambridge, MA, Oxford, UK (Russian Translation 2000).
- von Foerster, Heinz (1996) ‘Objects: Tokens for (Eigen-) Behaviors Observing Systems’, *The Journal of Electro Acoustic Language*, 1/1, Los Angeles, pp. 65–79.
- von Fuchs, Christian (2006) ‘The Self-Organization of Social Movements’, *Systemic Practice and Action Research*, Vol. 19, No. 1, pp. 101–137.
- Hull, David L. (1989) *The Metaphysics of Evolution*, SUNY Press, Albany.
- Japp, Klaus Peter (1996) *Soziologische Risikotheorie, Funktionale Differenzierung, Politisierung und Reflexion*, Juventa, Muenchen/Weinheim (Ms. 1990).
- Kasavin, Ilya T. (2017) ‘Trading Zones as a Subject-Matter of Social Philosophy of Science’, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 51, No. 1 (2017), pp. 8–17 (In Russian).
- Luhmann, Niklas (1972) ‘Interaktion, Organization, Gesellschaft’, *Soziologische Aufklärung*, Band 2, Springer, pp. 9–20.
- Luhmann, Niklas (1994) ‘Systemtheorie und Protestbewegungen, Ein Interview’, *Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen*, No 7, Heft 2 (1994), pp. 53–69.
- Luhmann, Niklas (1996) *Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen*, Suhrkamp, Frankfurt.
- Luhmann (1997) *Die Gesellschaft der Gesellschaft*, Suhrkamp, Frankfurt (Russian Translation 2005–2011).
- Luhmann, Niklas (1993) *Wissenschaft der Gesellschaft*, Suhrkamp, Frankfurt (Russian Translation 2017).
- Momdzhyan, Kharen K. et al. (2016) ‘Systematic Theoretical Approach to the Explanation of the Social Reality. Philosophical or Sociological Methodology?’, *Voprosy filosofii*, Vol. 1 (2016), pp. 17–42 (In Russian).
- Pruzhinin, Boris I., Kasavin, Ilya T. et al. (2017) ‘Communications in Science: Epistemological, Socio-Cultural and Infrastructural Aspects’, *Voprosy filosofii*, Vol. 11 (2017), pp. 23–57 (In Russian).
- Sztompka, Piotr (2015) *Fundamenty dobrego spoleczenst. Wartości*, Znak, Kraków, (Sztompka, Pjeter, *Fundaments of Good Society*, in Polish, Russian Translation 2017).